

ВПЕРВЫЕ ПО-РУССКИ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17

Правильная ссылка на статью:

Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А.Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334—356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17.

For citation:

Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication / transl. from Eng. A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 334—356. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.17.



М. Мадяну, Д. Миллер
**ПОЛИМЕДИА: НОВЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЦИФРОВЫХ
СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ***

ПОЛИМЕДИА: НОВЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

POLYMEDIA: TOWARDS A NEW THEORY OF DIGITAL MEDIA IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

*МАДИАНУ Мирка — университет Лестера, Лестер, Великобритания.
E-MAIL: mm499@le.ac.uk*

*Mirca MADIANOU¹
E-MAIL: mm499@le.ac.uk*

МИЛЛЕР Дэниэл — Университетский Колледж Лондона, Лондон, Великобритания.

Daniel MILLER²

¹ University of Leicester, Leicester, Great Britain

² University College London, London, Great Britain

* Перевод публикуется с любезного разрешения редакции журнала *International Journal of Cultural Studies*.

Аннотация. В статье развивается новая теория полимедиа, позволяющая понять последствия использования цифровых средств коммуникации в межличностной коммуникации. Основываясь на результатах сравнительной этнографии филиппинских и карибских транснациональных семей, авторы намечают контуры теории полимедиа и показывают, что пользователи распоряжаются новыми медиа как коммуникативной средой аффордансов, а не как постоянно растущим списком разрозненных технологий. Как следствие, теория полимедиа позволяет сместить акцент с ограничений, налагаемых каждым типом медиа, на социальные, эмоциональные и моральные последствия выбора между этими различными типами. Так как выбор средств коммуникации движим определенным коммуникативным намерением, управление полимедиа-средой становится неразрывно связанным с тем, как люди переживают отношения и выстраивают их. В конечном счете полимедиа скорее позволяет пересмотреть соотношение социального и технологического, нежели констатирует отдельно взятые технологические изменения.

Ключевые слова: этнография, конвергенция, межличностные отношения, медиаэкология, новые медиа, транснациональные семьи

Благодарность. Авторы выражают благодарность ESRC за поддержку в финансировании исследования «Миграция, ИКТ и трансформация транснациональной семейной жизни» (RES-000-22-2266).

Abstract. This article develops a new theory of polymedia in order to understand the consequences of digital media in the context of interpersonal communication. Drawing on illustrative examples from a comparative ethnography of Filipino and Caribbean transnational families, the article develops the contours of a theory of polymedia. We demonstrate how users avail themselves of new media as a communicative environment of affordances rather than as a catalogue of ever proliferating but discrete technologies. As a consequence, with polymedia the primary concern shifts from the constraints imposed by each individual medium to an emphasis upon the social, emotional and moral consequences of choosing between those different media. As the choice of medium acquires communicative intent, navigating the environment of polymedia becomes inextricably linked to the ways in which interpersonal relationships are experienced and managed. Polymedia is ultimately about a new relationship between the social and the technological, rather than merely a shift in the technology itself.

Keywords: ethnography, convergence, interpersonal relationships, media ecologies, new media, transnational families

Acknowledgment. The authors would like to acknowledge the support of the ESRC in funding the study 'Migration, ICTs and the Transformation of Transnational Family Life' (RES-000-22-2266).

До недавних пор большинство людей, общающихся на расстоянии, имели в своем распоряжении ограниченный набор средств, преимущественно дорогие международные звонки или письма. Таким образом, выбор того или иного медиа был обусловлен в первую очередь ограничениями, которые накладывали условия доступа к нему и его стоимость. Активное развитие новых коммуникационных технологий и усиливающаяся конвергенция, которую мы можем наблюдать в течение последних нескольких лет, радикальным образом переопределяют общение на расстоянии. Это совпадает с растущим спросом на опосредованную медиакоммуникацию, связанным с увеличением объемов глобальной миграции и потоков человеческого капитала. Так как миграция часто предполагает разделение семьи [Parreñas, 2005], необходимость транснациональной коммуникации между мигрантами и их семьями, оставшимися в другой стране, особенно остра.

Благодаря этому последствия скачка в развитии коммуникационных технологий переживаются по всему миру, включая ту его часть, которую в литературе часто называют «Глобальным Югом» — там тоже происходит бум мобильных коммуникаций [Castells et al., 2006; The Economist, 2009]. Как только люди получают доступ к компьютеру или смартфону (при условии, что они могут позволить себе траты, связанные с покупкой и установкой приложений и оборудования), стоимость единичного акта коммуникации становится несущественной. Таким образом, сегодня практически по всему миру типичный молодой горожанин со средним или низким доходом имеет возможность выбирать между звонком по проводной телефонной связи, мобильному телефону или по IP-телефонии¹ (через такие приложения, как Skype), с подключением веб-камеры или без. Кроме этого, он может послать текстовое сообщение или письмо по электронной почте, использовать мессенджер или одно из множества приложений социальных сетей.

В этой статье мы показываем, что существенная трансформация в использовании все более конвергентных коммуникационных технологий влияет на то, каким образом осуществляется и как переживается общение между людьми. Концепт полимедиа появляется в результате необходимости описать и понять возникающую сегодня среду, изобилующую средствами коммуникации, а также ее последствия для межличностного общения. Таким образом, мы предлагаем не просто новый термин, описывающий данную среду, но и целую концепцию. Само слово «полимедиа» происходит от греческого «поли», которое означает «много», «несколько». Хотя это слово упоминалось в академическом контексте (например, [Alm, Ferrell Lowe, 2001]), его концептуальное обоснование отсутствует, и оно используется преимущественно в маркетинге.

Цель данной статьи — обрисовать контуры теории полимедиа, взяв за основу проведенные нами сравнительные этнографические исследования. В этой небольшой по объему работе этнография используется для того, чтобы проиллюстрировать теоретические положения. Более полное описание всего исследования, в котором изучалась семейная коммуникация в контексте миграции,

¹ В оригинале авторы пишут про технологию VOIP, но в данном контексте судя по всему, речь именно об IP-телефонии, тогда как технология VOIP шире, чем телефония и помимо нее применяется для передачи звука в системах IP-видеонаблюдения, в системах оповещения, при трансляции вебинаров, при просмотре фильмов в режиме онлайн и т. п. — Прим. перев.

а также характеристику этнографических контекстов можно найти в [Madianou, Miller, 2011a; 2011b; 2012; Madianou, 2012a] — о Филиппинах, в [Miller, 1994; 2011] — о Тринидаде. Мы предлагаем следующую трактовку концепта полимедиа: это среда, вырастающая из коммуникационных возможностей, функционирующая как «интегрированная структура», внутри которой специфика каждого отдельного медиа определяется через отношение к контексту всех остальных медиа.

В условиях полимедиа акцент смещается с описания свойств каждого конкретного медиа как дискретной технологии на понимание новых медиа как среды аффордансов. Таким образом, важно уже не столько то, какие ограничения накладывает та или иная технология (часто связанные со стоимостью и некоторыми другими особенностями), сколько то, как осуществляется выбор между различными медиа и каковы социальные и эмоциональные последствия этого выбора. Мы считаем, что управление полимедиа-средой становится неразрывно связанным с межличностными отношениями и с чувствами людей-участников отношений. Таким образом, концепция полимедиа позволяет ресоциализировать технологии, так как упомянутый выбор обуславливается уже не только и не столько техническими или экономическими соображениями, но в первую очередь моральными, социальными и эмоциональными факторами. Наш основной аргумент: концепт полимедиа позволяет описать новую сеть социальных связей, возникающих вокруг технологии, а не просто технологическое развитие усилившейся конвергенции.

Для того чтобы полимедиа как среда коммуникационных возможностей смогла возникнуть, необходимы три условия: физический доступ, доступность (в том числе финансовая) и медиаграмотность. После того как мы рассмотрим их, опишем и другие факторы: насколько важна ремедиация [Bolter, Grusin, 2000]; как полимедиа становится частью межличностных отношений и отражается на переживаемых людьми чувствах/эмоциях; какой вклад в принятие решения о выборе медиа вносит личная и моральная ответственность; и, наконец, какое отношение коммуникационная среда полимедиа имеет к более широким общественным изменениям. Наша концепция во многом вытекает из теоретических и эмпирических положений, сформулированных в работах исследователей, изучающих медиаэкологию [Horst et al., 2010; Ito et al., 2010; Slater, Tacchi, 2004], медиацию [Couldry, 2008; Livingstone, 2009], медиатизацию [Couldry, 2012; Hepp, 2009], а также область персональных связей и цифровых медиа [Baum, 2010; Broadbent, 2011; Gershon, 2010]. Соответствующий обзор литературы мы приведем в следующем разделе, после того как опишем эмпирические исследования и контексты, которые легли в основу нашей теории.

Наша концепция полимедиа была сформулирована в ходе трехлетнего (2007—2010) сравнительного этнографического исследования. Мы изучали роль новых коммуникационных технологий в контексте международной миграции и, в частности, способность филиппинских и карибских транснациональных семей поддерживать близкие связи на расстоянии в условиях длительного разделения. Полевое исследование проводилось одновременно в Великобритании (Лондоне и Кембридже), на Филиппинах и в республике Тринидад, где мы проводили интервью с родственниками основных участников исследования. В данной статье мы задействуем некоторые находки этого исследования в качестве иллюстраций,

а также приводим выдержки из интервью (всего проинтервьюирован 171 человек, некоторые — несколько раз).

Хотя мы приводим детальное описание этнографических контекстов в других источниках [Madianou, Miller, 2012], кратко охарактеризуем эмпирику, на основании которой мы строили свои размышления. Два сравниваемых между собой поля существенно различаются. Что касается Филиппин, то более 10 % населения страны живет за рубежом [POEA, 2009], исходящая миграция — поддерживаемая на государственном уровне политика, на которой держится экономика страны [Asis, 2008]: Филиппины входят в тройку стран, лидирующих по количеству поступающих извне денежных переводов [Jha et al., 2009]. В 2009 г. валовой национальный доход на душу населения составил 1790 долл. [World Bank 2011].

Для сравнения, экономика Республики Тринидад строится на добыче нефти и газа, что составляет 40 % от ВВП, а валовой национальный доход на душу населения в 2009 г. составил 16700 долл. [World Bank 2011]. Более раннее исследование Миллера [Miller, 1994] показало, что большинство семей Тринидада транснациональны на нуклеарном уровне, то есть либо родители, либо дети, либо братья и сестры проживают за рубежом, причем зачастую это высококвалифицированная рабочая сила. Сегодняшняя миграция в Тринидаде обусловлена историческими связями с Северной Америкой и Великобританией, в то время как на Филиппинах — целым набором факторов (см., например [Parreñas, 2001]). Сравнение этих двух контекстов, различающихся экономически, социально, политически и медийно, позволило нам сформулировать более обоснованные утверждения касательно распространенности полимедиа (или ее отсутствия).

Полимедиа: теоретические основания и предпосылки

Прежде чем обратиться к доказательствам, которые мы получили в ходе нашего исследования, важно отметить, что есть и другие подходы, по-своему пытающиеся осмыслить актуальные изменения медиасреды. Тем не менее сам термин «полимедиа» в том значении, в котором его употребляем мы, ранее никогда не использовался.

Мы считаем, что термин «полимедиа» отражает суть явления, о котором мы говорим, точнее, чем другие близкие понятия. Например, слово «мультимедиа» уже давно используется в качестве термина, обозначающего тип медиа, которое сочетает в себе различные виды контента, например, текст, аудио и видео, поэтому его использование затруднило бы понимание сущности полимедиа как особой коммуникативной среды. С другой стороны, такие понятия, как «мультиканальный» или «мультиплатформенный», основываются на идее иерархии внутри медиа, а это означает, что мы должны в точности понимать сущность той или иной платформы, канала или приложения. Вследствие эффектов конвергенции [Jenkins, 2006] такие иерархии теряют смысл, так как различные платформы и приложения постоянно взаимодействуют с другими медиа, в результате чего появляются новые гибридные технологии: Скуре теперь можно использовать и на смартфоне, а персональные мессенджеры становятся частью функционирования социальных сетей (например, Facebook). Неудивительно, что наши информанты чаще предпочитали использовать слово «медиа», нежели выбирать между словами «приложение»,

«платформа» и «технология» (это было для них довольно непросто). Один из терминов, позволяющих мыслить конвергентные технологии как единую сложную среду, — «медиаразнообразие» (media manifold). Его использовал Ник Коулдри [Couldry, 2011: 220], чтобы отразить суть «сложной сети платформ». Об этом пытаемся говорить и мы, вводя представление о полимедиа.

Наиболее близок к значению полимедиа термин «медиаэкология», стоит подробнее остановиться на различиях и сходствах между ними. Хотя в ранних работах по медиаэкологии подчеркивалось, что медиа- и технологические среды формируют социальную реальность [McLuhan, 1964; Postman, 1970], более поздние исследования [Ito et al., 2010; Slater, Tacchi, 2004] отходят от позиций технологического детерминизма, осмысливая существование коммуникационных систем и их использование более объемно, что позволяет ухватить их связь с иными социальными системами, такими как транспорт, здоровье и государство (см. подробнее у [Slater, Tacchi, 2004]). М. Ито и коллеги использовали термин «медиаэкология», чтобы «обозначить свойства всеобъемлющей технической, социальной, культурной, функционирующей на определенной территории системы, составляющие которой не могут быть отделены друг от друга» [Ito et al., 2010: 31]. Говоря о медиаэкологии, Ито и коллеги отдельно выделяют так называемые «жанры участия», которые предлагаются в качестве альтернатив «существующим таксономиям медиавовлечения, в основание которых обычно закладываются тип платформы и частота использования или структурные характеристики, такие как пол, возраст, социально-экономический статус» [Ito et al., 2010: 26]. Уход от сосредоточенности на отдельных медиаплатформах к осмыслению сложных кросс-платформенных паттернов вовлечения лежит и в основе концепции полимедиа как сложной среды.

Вместе с тем эти авторы уделяли больше внимания пространственным аспектам медиаэкологии, и в этом отличие от нашей концепции полимедиа, развиваемой в контексте транснациональной и детерриториализованной коммуникации. Однако главное отличие состоит в том, что полимедиа предполагает рассмотрение коммуникационной среды как сложной структуры аффордансов [Hutchby, 2001]. Полимедиа — это не просто среда; это то, каким образом пользователи используют возможности различных коммуникационных средств, чтобы управлять своими эмоциями и отношениями. В этой статье мы утверждаем, что этот выбор сам по себе может быть понят как сообщение. Для нас особенно важно, какие последствия — социальные, эмоциональные, моральные — имеют способы существования пользователей в среде полимедиа, какие перспективы они открывают для понимания связей между технологиями и обществом в целом. Таким образом, хотя исследования медиаэкологии, «медиаразнообразия» [Couldry, 2011] и концепция полимедиа отталкиваются от того, что медиатеchnологии — это прежде всего среда практик, мы настаиваем, что концепция полимедиа позволяет глубже осмыслить их социальный аспект, так как помогает увидеть дополнительные значения, функции и последствия.

В недавней работе Н. Байм [Baum, 2010] формулируется схожее по замыслу понимание межличностных связей в цифровых медиа. Стараясь уйти от рассмотрения различий между индивидуальными технологиями, она вводит представление

о ключевых параметрах различий, о свойствах, которые могут быть общими или, наоборот, стать основанием для различия новых медиа между собой. Вот они: типы интерактивности, темпоральная структура, социальные сигналы, хранилище, воспроизводимость, охват и мобильность. Байм использует эти концепты, чтобы описать различные аспекты человеческой коммуникации, включая степень, с которой то или иное медиа понимается как более или менее аутентичное в сравнении с общением лицом к лицу, чувство общности, идентичность, гендер, достоверность и «Я», то, каким образом эти факторы сочетаются в очень личных и обезличенных контекстах общения, установления и поддержания взаимоотношений.

Похожая тенденция наблюдается в исследованиях конвергенции, которые изначально строились вокруг нового дизайна продуктов и отвечали запросам коммуникационной индустрии. Было признано, что медиа с различным функционалом стали пересекаться и делить между собой платформы. Особенного внимания заслуживают исследования коммуникации внутри семей [Little et al., 2009]. К примеру, С. Бродбент и ее коллеги [Broadbent, 2011; Broadbent, Bauwens, 2008] провели многолетнее этнографическое исследование того, как семьи в Швеции используют медиа. Они проанализировали, какие типы медиа в большей степени связаны с ведением домашнего хозяйства (например, телефонная линия), а какие чаще использовались для поддержания сильных или слабых связей, для рабочей или досуговой коммуникации. Как и Байм [Baum, 2010], Бродбент выявила несколько ключевых факторов, влияющих на выбор тех или иных медиа, например, приватность, свобода действий, потребность в немедленной обратной связи, доступность партнера по коммуникации, частота разговоров, степень близости и формальности знакомства, доступное время, качество обмена [Broadbent, 2011]. Бродбент сфокусировала внимание на вопросе, какие медиа больше или меньше требуют внимания от новых нормативных моделей, возникающих вокруг таких параметров, как гендер; и на недопонимании, к которому они могут привести.

Проблема недопонимания является центральной и в исследованиях И. Гершон [Gershon, 2010]. Она изучает, каким образом люди используют медиа при расставании с партнером. Основная тема: как люди принимают на себя ответственность за выбор того или иного способа коммуникации и какими этическими и моральными смыслами подобный выбор наделяется сегодня. Как сообщают ее информанты, негативная реакция на неадекватный, по мнению оставленного партнера, выбор медиа может быть такой же сильной, как и реакция на сам факт того, что его оставили. Гершон [Gershon, 2010] разрабатывает свою собственную терминологию вокруг «идиом практики», основанных на «медиаэкологии». Акцент на моральных последствиях выбора медиа (то, что Гершон [Gershon, 2010] называет «переключением») есть одно из измерений полимедиа, которые мы рассматриваем в настоящей статье.

Говоря более широко, предпосылки для формирования нашей концепции полимедиа лежат в поле недавних исследований в области теории медиации [Couldry, 2008; Livingstone, 2009; Madianou, 2005; Silverstone, 2005] и медиатизации [Couldry, 2012; Hepp, 2009], двух подходов, которые в последнее время сливаются в один [Couldry, 2012: ch. 6]. Это то, что Р. Сильверстоун [Silverstone, 2005] описывает как сущностно «диалектический процесс»: концепции медиации

пытаются описывать то, как средства коммуникации трансформируют процессы в обществе, при этом сами будучи опосредованы ими. Рассуждая о традиционном типе медиа «one-to-many», М. Мадриану утверждает, что медиация, благодаря структурным изменениям, которые она привносит в процесс коммуникации, обладает потенциалом усилить негативные эмоции в ситуациях разоблачения или скандала [Madianou, 2012b]. Тот факт, что разоблачение осуществляется при помощи медиа, принципиально меняет его природу (иной масштаб, аффективный резонанс и последствия), и это именно то, что понимается под медиатизированным освещением и медиатизированными эмоциями, которые, в свою очередь, определяют то, как переживается социальный опыт, опосредованный медиа. В перспективе исследований новых коммуникационных технологий и межличностных отношений концепции медиации или медиатизации также основываются на таких подходах, как социальное обусловливание технологий [MacKenzie, Wajcman, 1999; Wajcman, 2002] и приручение технологий [Berker et al., 2006], и позволяют понять диалектическое напряжение между техническим и аффективным. Это наглядно проявляется, например, в том, что выбор того или иного медиа, «подходящего» (навычки. — Перев.) для определенного события в отношениях, зависит и от того факта, что сами по себе отношения также отчасти создаются благодаря медиа. Аналогичные аргументы приводятся в рамках концепции «жизни внутри медиа» [Deuze et al., 2012], в которой описывается, каким образом общественная жизнь протекает внутри (а не при помощи) различных медиапрактик и опосредованных взаимодействий. Мы вновь затронем вопросы медиации и медиатизации, когда будем говорить о последнем измерении полимедиа, а именно о том, какой вклад сегодняшняя сложная медиасреда вносит в широкие социальные преобразования.

Контурсы полимедиа

Отправная точка: медиа как комплексная структура

Первое наблюдение, вытекающее из наших данных, состоит в том, что пользователи осмысливают каждое медиа в связи с комплексной структурой, включающей в себя другие медиа. Это становится еще заметнее, если сравнить полимедиа-среду с ситуациями из прошлого, когда у людей, которые хотели общаться на расстоянии, был доступ к крайне ограниченному количеству медиа, например, к письмам и аудиокассетам с записью голоса, которые посылались по почте [Madianou, Miller, 2011a]. Хотя мы видим, что даже в этих прецедентах возможно разглядеть ранние свидетельства того, что пользователи используют медиа как структуру возможностей (например, выбирая написать письмо, а не послать аудиокассету [Madianou, Miller, 2011a]), очевидно, что ограниченный выбор сказывался на процессе общения. Перерывы в коммуникации, связанные с длительностью процесса доставки сообщения, порождали неудовлетворенность. Таким образом, хотя наши информанты с Филиппин и из Республики Тринидад с теплом вспоминают времена, когда писали письма, есть и свидетельства того, что этот способ коммуникации изменял межличностные отношения, которые от него тем или иным образом зависели. Например, филиппинские информанты сообщали, что письма зачастую скрывали имеющиеся проблемы и подавляли конфликты, что приводило к неискренности и обману.

Даже на раннем этапе развития интернет-коммуникации, когда электронная почта была преобладающим способом общения, мы обнаруживаем, что коммуникация обуславливалась определенными характеристиками медиа: например, электронное письмо имеет низкий уровень контекстуальности, что может вести к различным недопониманиям. Теперь, в контексте полимедиа-среды, электронная почта используется либо одновременно с другими медиа (мессенджеры, социальные сети, видеоизображение, текстовые сообщения), либо как их альтернатива. Пользователи переключаются между различными медиа, чтобы достичь своих целей: то, что невозможно сделать посредством электронной почты, можно сделать при помощи мессенджера, веб-камеры или телефонного звонка. В этом главное отличие нашей концепции от тех подходов, в которых акцент сделан на роли конкретных медиа и возможностях, которые они предоставляют [Hutchby, 2001]. Наш подход в большей степени опирается на версию структурализма, предложенную К. Леви-Строссом [Lévi-Strauss 1963]. Его точка зрения состоит в том, что тот или иной элемент определяется не только через его собственную сущность, но и через его связи с другими элементами. Таким образом, наш первый шаг в концептуализации полимедиа — это понимание медиа через то, как они друг с другом соотносятся, а не через них самих. Мы считаем, что это новый феномен, несмотря на более ранние прецеденты [Madianou, Miller, 2012], так как только благодаря возникшему недавно многообразию платформ пользователи получили возможность по-настоящему использовать различные возможности коммуникации, не будучи ограниченными функционалом отдельных медиа.

Предварительные условия: доступ, стоимость, грамотность

Мы полностью осознаем, что полимедиа является скорее желаемым, нежели актуальным состоянием для большей части мира. В своем полевом исследовании мы соприкоснулись с высоким уровнем бедности на Филиппинах, где одной из главных причин популярности смс-коммуникации остается ее сравнительная дешевизна. Наша точка зрения состоит скорее в том, что среда полимедиа уже достаточно распространена, и с учетом того, что в дальнейшем она будет приобретать повсеместный характер, сейчас самое время поразмыслить о будущих последствиях. Полимедиа — реальность сегодняшнего дня для многих наших информантов из Великобритании и Тринидада, особенно для более молодых и образованных участников, у которых есть домашний широкополосный интернет и для которых смартфон «Блэкберри» является практически обязательным аксессуаром. Даже на Филиппинах полимедиа становится условием жизни для молодых представителей среднего класса, которые живут в городах.

Реальность, сопутствующая полимедиа, описана И. Гершон [Gershon 2010]. В США студенты колледжей платят один раз, покупая компьютер, а затем, по постоплатной системе — за услуги связи. В этом случае каждый отдельно взятый акт коммуникации оказывается практически полностью отделен от его стоимости. В Тринидаде (и в гораздо меньшей степени на Филиппинах, где связь и даже широкополосный мобильный интернет реализуются преимущественно по предоплате) мы выяснили, что, вероятно, скачок в распространении полимедиа-среды связан с вопросом конечной стоимости коммуникации. Даже когда стоимость телефонных звонков снизилась, люди принимали ее в расчет. Но когда тринидадцы, предста-

вители среднего класса, начали приобретать тарифы с безлимитным доступом в интернет для компьютера или смартфона, стоимость каждого акта коммуникации стала менее значимой (так как она уже включена в стоимость тарифа).

Растущая популярность смартфонов также вносит свой вклад в становление полимедиа-среды. Это наиболее ярко проявилось в Тринидаде, где медиа, ранее доступные только посредством компьютера, теперь буквально умещаются в карманах (см. [Miller, 2011]). Для пользователей смартфонов выбор медиа больше не ограничен вопросом физического доступа, хотя по мере того как развиваются технологии, людям приходится обновлять и улучшать как физические характеристики устройств, так и свои собственные знания по их использованию [Livingstone, 2004]. Помимо физического доступа и стоимости, еще одна предпосылка возникновения полимедиа — это медиаграмотность [Livingstone, 2004]. С точки зрения навыков, медиаграмотность состоит из четырех параллельных процессов: доступ, анализ, оценка и производство контента [Livingstone, 2004]. Пользователям приходится не только анализировать и оценивать медиаконтент, но и производить свой. В дискуссиях вокруг цифрового разрыва второго порядка [Hargittai, 2002; 2007] отмечается, что хотя доступ к технологии — необходимое условие, он сам по себе не обеспечивает достаточного уровня развития медиаграмотности у отдельно взятого пользователя. Более того, новые онлайн-среды могут усиливать неравенство [Hargittai, 2007]. Наше исследование подтверждает как продолжающуюся асимметрию в доступе к коммуникационным технологиям в транснациональном аспекте, так и аргументы, относящиеся к цифровому разрыву второго порядка [Hargittai, 2002]. Например, и в Тринидаде, и на Филиппинах, информанты старшего возраста были менее склонны производить свой медиаконтент (блоги и т. д.) и в большей степени полагались на знакомые технологии, такие как телефонные звонки.

На Филиппинах цифровые разрывы как первого, так и второго порядка часто наблюдались внутри одной и той же транснациональной семьи. Международные звонки там все еще крайне дороги даже при использовании prepaid звонков по специальным карточкам [Madianou, Miller, 2011b]. Таким образом, телефонные звонки — не вариант для родственников, оставшихся на родине. С другой стороны, у мигрантов зачастую отсутствуют навыки, которые позволяли бы им в полной мере использовать функционал интернет-платформ (разрыв второго порядка). Дети, оставшиеся в своей стране, обладающие более высоким уровнем медиаграмотности, сталкиваются с тем, что их менее грамотные родители не могут пользоваться интернет-технологиями, хотя им доступны более дорогие средства коммуникации. Многие из наших информантов развили свои цифровые навыки в первую очередь для того, чтобы оставаться в контакте в условиях разделения, как, например, женщины-мигрантки, впервые начавшие использовать онлайн-среду, чтобы увидеть при помощи веб-камеры своих детей и внуков.

Как мы уже отмечали, полимедиа — это не просто ситуация избыточности новых медиа и возможностей, которые они предоставляют. Полимедиа формируют ситуацию, в которой принятие решения об использовании того или иного медиа больше не зависит от физического доступа, стоимости или уровня медиаграмотности участников коммуникации. Последующее обсуждение измерений полимедиа должно учитывать эти предварительные условия. Среда полимедиа развивается

во всем мире, и поэтому, хотя мы и признаем существующие на данный момент ограничения, придавать им слишком большое значение означает игнорировать возможность понять фундаментальную трансформацию, совершающуюся в сфере межличностной коммуникации, опосредованной медиа.

Измерения полимедиа: ремедиация

Полимедиа возникает постепенно, и этот процесс проходит через период ремедиации [Bolter, Grusin, 2000]. Теория Дж. Болтера и Р. Грусина хорошо подходит для описания первоначального этапа развития нового средства коммуникации. Ремедиация важна, поскольку стержневые технологии часто эволюционируют постепенно. Если мы возьмем пример голосовой коммуникации в историях жизни транснациональных семей на Филиппинах, увидим, как проходила эволюция: телефон в сельском магазине — соседский телефон — стационарный телефон в своем доме — дорогой мобильный телефон — текстовые сообщения — звонки по IP-телефонии (сейчас) — смартфон (потенциально). Это движение соответствует движению от телефона как инструмента с единственной целью (торжественное приглашение на Рождество) к современности, когда мать может всю ночь переписываться с дочерью-подростком, «преследуя» ее, пока та не вернется домой в целости и сохранности.

Ремедиация — это еще и теория относительности, но применяемая диахронически (вертикально) через время, а не в настоящем (горизонтально). Найша была одной из многих респондентов в Тринидаде, которые отметили, что первые имейлы воспринимались просто как письма, создаваемые при помощи компьютера и отчасти позволяющие решить проблему недостатка интерактивности, которая была у обычных писем из-за большого временного запаздывания ответов. Поэтому первые имейлы они с сестрой обычно писали друг другу на 3—4 страницы, вдохновленные тем, что можно получать более быстрый ответ. Только со временем имейлы трансформировались в более короткие спонтанные сообщения, в которых к тому же стала портиться орфография и теряться та забота о тексте, которая была в обычных письмах, так что современные имейлы имеют мало общего со своими предшественниками. Несмотря на то что технология остается одной и той же, процесс ремедиации контролирует трансформацию коммуникационных жанров в использовании этой технологии.

Отношение Найши к телефону однозначно проходит по разряду ремедиации. Изначально она видит в нем не средство личного, спонтанного и неформального общения, а нечто противоположное, отчасти потому что телефон сперва появился как очень дорогое средство коммуникации. Она говорит о довольно скованных телефонных разговорах только между членами семьи, в основном на Рождество и другие праздники. Предшественниками такого рода разговоров были традиционные сообщения, которые люди, живущие за границей, посылали своим семьям по радио. В итоге долгое время Найша чувствовала себя неловко с телефоном, который не могла воспринимать ни как средство для личного общения, ни как средство коммуникации, которому можно доверять.

В результате такого временного разрыва, связанного с ремедиацией, люди продолжают ассоциировать определенные медиа с теми ограничениями, которые

технологии накладывают на них, даже тогда, когда эти ограничения уже в прошлом. Для Найши использование Facebook изначально было определено использованием программы ICQ, популярной несколько лет в Тринидаде [Miller, Slater, 2000]. Так как ICQ давала возможность контактировать со случайными людьми через мгновенный обмен сообщениями, она подготовила пользователей к идее, что коммуницировать можно с кем угодно и откуда угодно. Найше потребовалось некоторое время, чтобы понять, что Facebook во многом полная противоположность ICQ, так как открытость в ICQ была связана с анонимностью — можно было контактировать с людьми, которых вы не знаете лично и даже не планируете узнать. Facebook же, наоборот, во многих отношениях уничтожил анонимность и стал пространством, где пользователь получает запросы только от тех людей, которых, предположительно, уже каким-то образом знает.

В большинстве случаев ремедиация постепенно уходит и становится частью среды полимедиа, открывающей фактически беспрецедентные возможности новых медиа. Многие из участников нашего исследования филиппинского происхождения, проживающих в Великобритании, уже стали бабушками и дедушками, так как их дети выросли и сами завели детей. Развитие веб-камер создает новый мир и новые отношения между маленькими детьми и бабушками и дедушками.

Хотя маленькие дети еще не понимают отношения, реализованные только с помощью голоса в телефоне, они очень быстро учатся отвечать кому-то через веб-камеру. Мы обнаружили случаи, когда бабушки и дедушки могли эффективно сидеть с ребенком часами и играть с ним, получая огромное взаимное удовлетворение [Madianou, Miller, 2012]. Пожилые люди, у которых нет внуков, воспринимают веб-камеру как благо, даже если раньше они побаивались техники или никогда не учились печатать на компьютере. Установка веб-камеры сопряжена для них с минимальными технологическими сложностями и становится средством поддержки контакта с семьей. Как говорит тринидадец:

«Да, моя мама пользуется Skype, мама прикована к инвалидному креслу уже несколько лет, особенно смерть отца ее подкосила, хотя она и до этого уже... Мой старший брат очень хорошо соображает в компьютерах, он решил помочь маме оставаться на связи с семьей за границей самым простым способом, так, чтобы она могла звонить, не выходя из дома, и поэтому купил ей компьютер, научил им пользоваться, дал ей веб-камеру, микрофон и все остальное, и она теперь часто разговаривает с семьей в Канаде».

Таким образом, эта третья стадия свидетельствует, что истории, случающиеся с людьми, влияют на использование медиа.

Измерения полимедиа: аффордансы и эмоциональный менеджмент

В этом разделе мы рассмотрим, как вертикальные отношения ремедиации вытесняются горизонтальными отношениями в цифровых медиа. В книге «Миграции и новые медиа» [Madianou, Miller, 2012] мы привели множество примеров того, как различия между медиа задействуются в различных аспектах межличностных отношений. Здесь, для краткости, мы приведем лишь один пример полимедиа — как она становится элементом контроля и выражения эмоций и осуществления межличностных отношений в целом.

Существование медиа само по себе может использоваться для реализации аффективных намерений. Рэй, 30-летний тринидадец, находится в постоянном контакте по Skype со своей подругой в Тринидаде, однако вместе с тем он до сих пор каждое утро шлет ей текстовое сообщение:

«[Я говорю такие вещи как] надеюсь, у тебя хорошо проходит день, береги себя, обязательно делай перерывы, кушай хорошо, пей воду — потому что она не любит пить воду — просто будь осторожна. Я скучаю по тебе и люблю тебя, пусть все будет хорошо, я думаю о тебе все время».

Аналогичным образом пользователь, который оказывается в ситуации публичной ссоры в Facebook, может переключиться на использование частных сообщений или опции мгновенных сообщений чата. Сандра, филиппинка, мать двоих взрослых детей, любит общаться с ними по Skype: так она может их увидеть и убедиться, что все в порядке. Тем не менее есть случаи, когда она предпочитает не пользоваться Skype, например, когда она грустит, расстраивается и не хочет, чтобы дети думали, что у нее какие-то проблемы. В таких случаях она считает, что имейл дает ей больше безопасности и контроля над коммуникацией.

В отношениях между филиппинской матерью и ребенком полимедиа-среда особенно важна, потому что средство коммуникации в настоящем случае образует эти отношения. Для некоторых людей ключевая привлекательность электронного письма заключается в том, что оно не предполагает голосовую коммуникацию, и они используют его в сложных ситуациях. Ребенок, стесняющийся попросить денег у своего родителя, может это написать. Некоторые пишут сообщения, чтобы не произносить плохие новости, некоторые — когда ссорятся, чтобы не сорваться на крик. Текстовая коммуникация позволяет избежать реплик, которые могли бы прозвучать неприятно или вызвать сильные отрицательные эмоции. 23-летняя жительница Тринидада Патрика отмечает:

«Если надо с чем-то разобраться или если ты расстроен, телефон гораздо лучше. То есть я хочу сказать, что если ты на эмоциях, то имейл бесполезен... А по телефону можно выговориться, поплакать, все что угодно. На последнем курсе я рассталась с парнем. Мы были вместе все три года, что я жила в Англии. И тогда я постоянно звонила маме, мы с ней просто плакали вместе по телефону».

Таким образом, хотя времена бумажных писем и пленочных кассет остались далеко позади, различие между голосом и текстом продолжает быть одним из главных параметров для выбора способа коммуникации. Филиппинскому родителю важно слышать голос ребенка, чтобы понять, что он чувствует. Однако когда все плохо, телефон может восприниматься как вмешательство, надзор, как нежелательное вторжение в жизнь человека, вероятно, потому что это средство коммуникации сосредоточено на слушании и говорении.

Концепция полимедиа описывает различия как между разными медиа, так и внутри одного и того же средства коммуникации. Например, люди по-разному используют социальные сети. Молодая тринидадка, живущая в Британии, использовала MySpace для всех своих друзей, а Facebook — исключительно для друзей и родственников из Тринидада. Некоторые из наших информантов-мужчин гомосексуальной ориентации на Филиппинах использовали разные социальные сети

или создавали разные профили внутри одной из них, для того чтобы разделить процесс общения с родственниками и с друзьями-гомосексуалистами.

Как можно предположить, люди по-разному интерпретируют способность того или иного средства коммуникации передавать эмоциональное содержание сообщения. Большинство людей ощущают, что общение через веб-камеру более откровенно в сравнении с общением по телефону. Однако Джейсон, тринидадец, обсуждая свое общение с матерью в Канаде, отмечает, что по телефону:

«...Мы очень близки; может показаться странным, но она по голосу может узнать точно, что со мной не так. Если я простудился, если у меня был трудный день, если я в кого-то влюбился, она все это может сказать. И так же — если с ней что-то не так... В интернет-беседе такое не проходит, в Skype все разговоры обычно о чем-то хорошем. Когда человеку плохо, грустно, он не будет в Skype показывать лицо, поэтому я считаю, что телефонный разговор более реалистичен, это то же самое, что разговаривать в реальной жизни. Ты не можешь видеть выражение лица, но можешь его почувствовать».

Концепция полимедиа не означает, что те или иные типы медиа становятся более или менее подходящими для тех или иных видов отношений. В большинстве отношений создается определенная конфигурация медиа, которая лучше всего отвечает конкретным коммуникативным потребностям. Это хорошо иллюстрирует пример пары тринидадцев, Бёртона и Фэй. Сперва Бёртон отмечает:

«У нас было много проблем с имейлами, потому что она обычно пишет письмо на 1000 или 2000 слов, и мне сложно его осилить и сделать то же самое — ответить на все, что она сказала, не зная, что это значит и к чему относится; вот написала она мне имейл за день — и потом я всю неделю пытаюсь понять, что же она имела в виду».

За этим скрывалось их основное несовпадение в том, что Фэй любит текст, а он — голос.

«Это у нее в генах, в крови: быть более чувствительной, более подверженной влиянию. Она любит читать... любит читать больше, чем смотреть фильм. Я предпочту посмотреть фильм, а затем прочитать книгу. Вот так вот, я не знаю, у многих, наверное, так же, но она всегда мне говорит, что слова на нее сильнее воздействуют... сильнее, чем взгляд или что-нибудь еще».

Бёртон, напротив, находит голос более естественным и более простым для интерпретации, тогда как разбираться в имейле из 50 или 60 пунктов — настоящее мучение. В результате эта пара придумала свой способ общения для транснациональных отношений, суть которого в том, чтобы посылать друг другу каждый день небольшие голосовые файлы на 2—7 минут, что-то вроде имейла, основанного на голосе. В ситуации, когда Фрей не любит телефонные звонки, а Бёртона вводят в замешательство имейлы, это оказалось для них подходящим.

Редко кто ограничивает себя одним средством коммуникации, большинство оперируют репертуаром альтернативных медиа, которые могут быть связаны с разными людьми, разными типами сообщений, а также с вопросами сдерживания и выражения эмоций. Для каждого человека полимедиа представляет собой его персональный репертуар средств коммуникации и эмоциональных регистров.

Это позволяет прояснить, что мы понимаем под ресоциализацией медиа. Впервые, вопросы доступа, цены и грамотности ушли с первого плана на второй. Это достижение связано с расцветом и распространением новых медиа, позволяющих

людям воспринимать медиа как интегрированную среду аффордансов и предрасположенностей, таких как темпоральность или объем хранилища, которые обсуждаются Бэймом [Baym 2010] и Бродбент [Broadbent 2011]. Но, в свою очередь, каждый из них связан с аспектами социальных отношений так, что их аффорданс [Hutchby, 2001] — не абстрактный атрибут медиа, но качество, эксплуатируемое внутри возникающих социальных отношений. И в Тринидаде, и на Филиппинах в ходе наших разговоров с информантами мы слышали множество комментариев вроде: «Может быть, если грустно, то телефон лучше всего, а если вы злы, тогда телефон не самый хороший вариант, зависит от ситуации». Некоторым детям на Филиппинах было сложно сказать «Я тебя люблю» маме в лицо, но они могли выразить это по телефону или сообщением, тогда как для других неопределенность коммуникативной позиции при общении через веб-камеру, своеобразное сочетание присутствия и отсутствия, позволили именно этому средству коммуникации стать средством выражения любви, когда все остальные для этого не подходили.

Люди организуют свои социальные отношения, все больше используя различия внутри составной структуры полимедиа. Хотя эти различия можно объяснить разницей в технологиях, на практике люди могут по-своему интерпретировать свои предпочтения. Эта мысль становится еще важнее, когда мы переходим от более широкого вопроса о социализации медиа к более узкому вопросу о моральной ответственности.

Полимедиа и усиливающаяся моральная ответственность

Идея о том, что за выбор средства общения человек несет моральную ответственность, ярче всего представлена в исследовании Гершон [Gershon 2010] о разрыве отношений, проведенном среди студентов колледжа в США. Как становится ясно из ее книги, о человеке, который разрывает отношения, будут судить и на основании того, какое медиа он выбрал для расставания. Это явно подразумевает, что, во-первых, есть медиа, которые считаются более подходящими для разрыва отношений, чем другие, и если мы находимся в ситуации полимедиа, то у индивида уже нет оправданий за тот выбор, который он сделал, поэтому он становится ответственным за решение. Но наши выводы отличаются от выводов Гершон: она объясняет недопонимание, возникающее между ее информантами, как следствие различных «идеологий медиа» и недостатка стандартизации в использовании медиа [Gershon 2010], в то время как мы наблюдаем развитие значительной нормативности в отношении приемлемого медиатизированного поведения в целом.

Тот факт, что мы приходим к разным выводам, может иметь культурное объяснение. В наших сравнительных исследованиях присутствует нечто вроде культурной градации. Неудивительно, что США в силу идеологии индивидуализма менее подвержены нормативности, тогда как Филиппины переустанавливают нормативные ожидания гораздо быстрее, а Тринидад располагается где-то посередине. В наших исследованиях мы обнаружили, что, например, передача текстовых сообщений в тринидадской диаспоре сильно отличалась по жанрам от того, как это было на Филиппинах (см. [Pertierra, 2010; Pertierra et al., 2002]), но зато диаспора уже выработала ясные и узнаваемые нормы. Одна из них — прагматичный жанр последовательных инструкций, например, как работать с денежными переводами

или инвестировать в собственность, как старшим братьям и сестрам общаться с младшими. Этот жанр может использоваться в качестве сигнала для других типов коммуникации (например, сигнал, что денежный перевод пришел), или в качестве средства организации коммуникации в целом. Два других жанра включали в себя распространение религиозных проповедей и шуток. Формирование таких заданных жанров сдвигает оптику полимедиа с индивидуального выбора на культурное конструирование признаваемых норм использования. Однако это не исключает индивидуальной моральной ответственности за надлежащее следование этим нормам.

То же самое относится и к социальным сетям. Как недавно заметил Д. Маккэй [McKay 2010] в исследовании, посвященном использованию Friendster² и Facebook на Филиппинах, оно (использование) в основе своей имеет мало общего с суждениями о сетевом индивидуализме (см. [Boase, Wellman, 2006]), который понимает сети как связи между индивидами. Филиппинец, использующий Facebook, делает это не как индивид, а как часть расширенной семьи, которую ее члены обязаны представлять более широкому сообществу. Аналогичным образом было показано, что CyWorld³ в Корее отражает систему родства [Hjorth, 2009]: существуют нормативные предписания в отношении того, как люди должны вести себя онлайн, что сильно отличается от западного индивидуализма. На практике использование медиа очень быстро начинает включать в себя достаточно консервативные представления о гендере, классе и других социальных категориях. Филиппинцы могут выстраивать рассуждения о том, что мужчины и женщины обмениваются текстовыми сообщениями по-разному. Как сообщил один из информантов-филиппинцев:

«Женщина чаще будет писать с сокращениями, смайликами, то, что называют «текст-речь»... Мужчины обычно не сокращают, а печатают предложение целиком. Также женщины чаще используют слова, демонстрирующие привязанность».

То, что в своем исследовании мы сравнивали разные страны, дало нам возможность не только изучить установление норм относительно использования Facebook в Тринидаде, но и выяснить, что на Филиппинах в этом смысле совсем другая ситуация. Основные вопросы использования медиа на Филиппинах связаны с избеганием публичного неудобства, смущения и с доминирующей настороженностью. Для сравнения, Д. Миллер [Miller, 2011] в одной из глав недавно вышедшей книги описал характерные для Тринидада черты в использовании Facebook. Слово, которое часто там встречается, — «вакханальный» (bacchanal); оно является, пожалуй, наиболее типичным и для описания тринидадской культуры в целом. Оно характеризует устойчивое бытование скандала или сплетен. Это стало настолько важной частью использования Facebook в Тринидаде, что локальные обозначения Facebook — *Fasbook* и *Masobook* — одновременно и слова, которые обозначают сплетни и скандалы, вытекающие из скрытой бестактности и вуайеризма этой социальной сети. Тринададцы открыто признают свою любовь к скандалам как к своего рода разоблачению скрываемой правды. Так что хоть и филиппинцы, и тринидадцы демонстрируют более быстрый поворот к нормативности, чем выявила Гершон [Gershon 2010], природа этой нормативности очень разная.

² Friendster — одна из первых социальных сетей в мире, закрыта в 2015 г. — Прим. ред.

³ CyWorld — популярная социальная сеть в Южной Корее. — Прим. ред.

Сопоставление свидетельств из Тринидада с Филиппинами и затем сравнение их с западным контекстом, в котором проводилось гораздо больше исследований новых медиа и межличностных отношений (среди прочего см. [Boyd, 2010; Boyd, Ellison, 2007; Livingstone, 2008; Papacharissi, 2009; Whitty, Carr, 2006]), помогает прояснить те аспекты концепции полимедиа, которые, как кажется, поддаются более широкому обобщению, и те, которые остаются более узкими и специфическими. Так что, соглашаясь с Гершон [Gershon 2010] в том, что в условиях полимедиа становится видимым тренд моральной ответственности индивида за свой выбор медиа, мы отмечаем, что это будет справедливо всегда, когда существуют ясные нормативные культурные жанры, в рамках которых поведение индивида может быть оценено, в отличие от ситуации, в которой примат индивидуализма приводит к тому, что люди не понимают последствий выбора конкретного средства коммуникации.

Полимедиа и медиация

По мере того как мы рассматриваем каждое измерение теории и ее внутренние механизмы, мы приближаемся к пониманию более широкого контекста среды полимедиа, который включает в себя названные социальные и моральные последствия. В этом финальном разделе мы вернемся к медиации и медиатизации, для того чтобы обозначить, как концепция полимедиа может быть полезна для понимания социальных трансформаций. Это особенно прослеживается в работе Ж. Цу [Qiu 2009] об использовании ИКТ, в которой он пишет о людях, не имеющих доступа к информации или имеющих ограниченный доступ («информации-нет» и «информации-есть-меньше») в Китае. Задолго до того, как такие малоимущие группы оказываются в условиях полимедиа, они испытывают на себе последствия новых медиа, которые не были запланированы при разработке технологий [Qiu, 2009: 246]. Цу утверждает, что эти изменения стали инструментами для формирования рабочего класса в современном Китае. Он рассматривает новые пространства — например, урбанизированные села, где появляются новые медиа, такие как интернет-кафе или бары для междугородних телефонных звонков (longdistance phone bars), — как среду для становления этого нового класса [Qiu, 2009: 174—175].

Лучший пример возникновения этой широкой исторической конъюнктуры из нашей собственной работы — то, как мы первый раз пришли к пониманию полимедиа, не абстрактно, а в рамках исследования отношений среди членов транснациональных семей на Филиппинах и Тринидаде. Суть была в том, что мы интересовались не влиянием одного конкретного средства коммуникации, но пытались понять все последствия полимедиа как интегрированной структуры, влияющей на отношения между филиппинскими мигрантами-родителями и их детьми. Именно поэтому мы работали с матерями в Британии, а затем посещали их детей на Филиппинах [Madianou, Miller, 2012]. В нашей книге мы показываем, как ожидания, что приход дешевых и разнообразных медиа поможет разрешить негативные ситуации разделения семей, были слишком упрощенными. Около половины детей, с которыми мы общались, сообщили, что новые медиа скорее ухудшили их отношения с родителями, чем улучшили. Так мы начали понимать, что многое было связано с установлением власти и попытками использовать

медиа для контроля за человеком на другом конце коммуникации. Наблюдать, что цифровые медиа не способствуют облегчению проблем разделения семей, не означает утверждать, что у них нет никаких последствий. Как мы показали, цифровые медиа интегрированы в установление и переживание отношений на расстоянии. Большим финансовым возможностям родителей, благодаря которым те могут брать власть над медиа в свои руки, дети могут противопоставить лучше развитые технические навыки, особенно в коммуникации с помощью компьютера. Молодой мужчина-филиппинец в Маниле отмечает в связи с общением со своими родителями-мигрантами:

«У них никак не получалось стать ближе ко мне, потому что я всегда закрывался от них. По электронной почте я обычно очень долго отвечал. Например, я прочту имейл сегодня, но отвечу через неделю. Обычно мой отец меня донимает так: «Почему ты ничего не отвечаешь, мы вообще твои родители или как?»»

Другой сын по тем же причинам настаивал на том, чтобы общение происходило только по электронной почте, а затем не отвечал по несколько недель — значение этой задержки не осталось незамеченным отцом. А мать, живущая в Лондоне, использовала электронную почту, чтобы перестать сердиться на своего сына, который постоянно напивался и просил денег. В более общем плане, дети старались использовать полимедиа, чтобы дать родителям понять, что они уже взрослые. Основным инструментом здесь был выбор тех или иных медиа. Эти наблюдения впервые сделали концепцию полимедиа ясными для нас. Поэтому в нашем анализе полимедиа — часть гораздо более широкой картины исторической конъюнктуры, в данном случае — подъема транснациональной миграции и ее последствий.

Заключение

Этот последний пункт, восстанавливающий более широкий контекст концепции полимедиа, является и самым значительным в наших выводах. Мы хотим сказать, что концепция полимедиа на первый взгляд выглядит обманчиво, словно описание трансформации технологии, благодаря которой люди, имевшие доступ лишь к нескольким видам медиа, получили доступ их большему количеству. Поэтому мы хотим сконцентрироваться на новых аффордансах, которые создают медиа, и на способах, которыми они используются. В большом количестве исследований, посвященных новым коммуникационным технологиям, подчеркиваются такие параметры технологических различий, как темпоральность, объем хранения, воспроизводимость, материальность, мобильность, охват и т. д.

Эти концепты, безусловно, ценны. Главное, что мы должны усвоить относительно полимедиа, это функциональные предрасположенности медиа, лежащие в основе их реляционных определений, и наше понимание медиа как интегрированной структуры. Но в данной статье мы предложили более амбициозное определение полимедиа. Мы предположили, что сталкиваемся с не просто новым горизонтальным распространением медиа, при котором каждое конкретное средство коммуникации сдвигается в своем значении и отношении к другим медиа. Мы предположили, что из такого расширения во внутренних отношениях между медиа происходит также и сдвиг между коммуникационными медиа и обществом. Эффект состоит в ресоциализации коммуникативных медиа. Когда цена и доступ

стали менее значимы и повысилась медиаграмотность пользователей, они стали задумываться о том, что причины, по которым каждый человек выбирает определенное средство коммуникации, — это тоже социальный акт, и это мы считаем фундаментальным в формировании социальных отношений. Такое понимание полимедиа представляет собой сдвиг в сторону более социальной концепции медиа для людей, с которыми мы работаем, используя более холистические подходы — такие как медиация [Couldry, 2008; Livingstone, 2009; Miller, 2014] или медиатизация [Couldry, 2012; Hepp, 2009], которые пытаются понять взаимное влияние социальных процессов и медиа.

Наконец, мы утверждаем, что лучше всего это видно на примере сравнительной этнографии. Этому есть две причины. Первая состоит в том, что полимедиа — это нечто, развивающееся разными способами, с разной скоростью и разными ограничениями. Можно сказать, что сейчас она существует для небольшой доли населения Филиппин (городской, молодой и средний класс) и, возможно, для большинства населения Тринидада, но повсеместно распространены среди молодого населения США и Северной Европы. Используя материал из всех трех контекстов в этой статье, мы предостерегаем против утверждений, что последствия полимедиа могут быть универсальными или не учитывать продолжительные следствия цифрового разрыва.

Второй момент заключается в том, что последствия полимедиа включают в себя некоторые общие тренды, такие как большая забота о моральной ответственности, более широкая ресоциализация медиа и больший уровень медиаразнообразия, что может влиять на вопросы медиаэкологии или формирования новых социальных групп. С другой стороны, полимедиа скажутся и на многих сугубо местных вопросах, отражающих сохраняющееся культурное разнообразие современного мира. Как показано в этой статье, нормативность использования медиа в Тринидаде и на Филиппинах значительно различается. Полимедиа постепенно (хотя и асимметрично) становится глобальным явлением. Тем не менее нет оснований думать, что это приведет к глобальной гомогенизации, а не к увеличению гетерогенности. Таким образом, сравнительный подход сохраняет нашу чувствительность к контексту и культурным различиям.

Однако, как мы надеемся, уже ясно, что полимедиа развивается во всем мире, пусть даже и с разной скоростью. Наше сравнительное исследование позволяет уверенно прогнозировать, что среда полимедиа станет актуальной для медиаисследований в будущем, поскольку медиа не существуют в изоляции. Разумеется, будет много разных толкований этого феномена и суждений о его последствиях и значимости, которые вполне могут противоречить каждому из предположений, выдвинутых нами в этой статье. Но чтобы начать такую дискуссию, сначала необходимо выработать название для этой новой ситуации, и здесь мы предлагаем термин «полимедиа».

References⁴

Alm A and Ferrell Lowe G (2001) Managing transformation in the public polymedia enterprise: amalgamation and synergy in Finnish public broadcasting. *Journal of Broadcasting and Electronic Media* 45(3): 367—390.

⁴ Библиография сохранена в формате исходной публикации — Прим. ред.

Asis MMB (2008) The Philippines. *Asian and Pacific Migration Journal* 17(3—4): 349—378.

Baym N (2010) *Personal Connections in the Digital Age*. Cambridge: Polity.

Berker T, Hartmann M, Punie Y and Ward K (eds) (2006) *Domestication of Media and Technology*. Maidenhead, Berks: Open University Press.

Boase J and Wellman B (2006) Personal relationships: on and off the internet. In: Perlman D and Vangelisti A (eds) *Handbook of Personal Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bolter JD and Grusin R (2000) *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: MIT Press.

boyd d and Ellison N (2007) Social networking sites: definition, history and scholarship. *Journal of Computer Mediated Communication* 13(1). Available at: <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/boyd.ellison.html>.

boyd d (2010) Social networking sites as networked publics: affordances, dynamics, implications. In: Papacharissi Z (ed.) *A Networked Self*. London: Routledge.

Broadbent S (2011) *L'Intimité au travail*. Paris: Fyp Editions.

Broadbent S and Bauwens V (2008) Understanding convergence. *Interactions* 15(1): 29—37.

Castells M, Fernandez-Ardevol M, Qiu JL and Sey A (2006) *Mobile Communication and Society: A Global Perspective*. Cambridge, MA: MIT Press.

Couldry N (2008) Mediatization or mediation: alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. *New Media & Society* 10(3): 373—391.

Couldry N (2011) The necessary future of the audience ... and how to research it. In: *Nightingale V (ed.) Handbook of Media Audiences*. Cambridge, MA: Blackwell, pp. 213—229.

Couldry N (2012) *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Cambridge: Polity.

Deuze M, Blank P and Speers L (2012) A life lived in media. *Digital Humanities Quarterly* 6(1). Available at: <http://digitalhumanities.org/dhq/vol/6/1/000110/000110.html> (accessed January 2012).

The Economist (2009) Mobile marvels: a special report on telecoms in emerging markets. 26 September.

Gershon I (2010) *The Breakup 2.0*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Hargittai E (2002) Second-level digital divide: differences in people's online skills. *First Monday* 7(4). Available at: <http://firstmonday.org/htbin/cgiwrap/bin/ojs/index.php/fm/article/view/942/864> (accessed June 2012).

Hargittai E and Welejko G (2007) The participation divide: content creation and sharing in the digital age. *Information, Communication and Society* 11(2): 239—256.

Hepp A (2009) Differentiation: mediatization and cultural change. In: Lundby K (ed.) *Mediatization: Concepts, Changes, Consequences*, pp. 135—154. New York: Peter Lang.

Hjorth L (2009) Gifts of presence: a case study of a South Korean virtual community. In: Goggin G and McLelland M (eds) *Internationalising the Internet Anthology*. London: Routledge, pp. 237—251.

Horst H, Herr-Stephenson B and Robinson L (2010) Media ecologies. In Ito M et al., *Hanging Out, Messing Around and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media*. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 32—78.

Horst H and Miller D. (2014) *Digital anthropology*. London: Bloomsbury Academic.

Hutchby I (2001) Technologies, texts and affordances. *Sociology* 35: 441—456.

Ito M et al., (2010) *Hanging Out, Messing Around and Geeking Out: Kids Living and Learning with New Media*. Cambridge, MA: MIT Press.

Jenkins H (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press.

Jha S, Sugiyarto G and Vargas Silva C (2009) The Global Crisis and the Impact on Remittances to Developing Asia. Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 185. 186 *International Journal of Cultural Studies* 16(2) Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1618088 (accessed June 2012).

Lévi-Strauss C (1963) *Structural Anthropology*, trans. Jacobson C and Grundfest Schoepf B. New York: Doubleday Anchor Books.

Little L, Sillence E, Sellen A and Taylor A (2009) The family and communication technologies. *International Journal of Human Computer Studies* 67(2): 125—127.

Livingstone S (2004) Media literacy and the challenge of new information and communication technologies. *Communication Review* 7: 3—14.

Livingstone S (2008) Taking risky opportunities in youthful content creation: teenagers' use of social networking sites for intimacy, privacy and self-expression. *New Media & Society* 10(3): 393—411.

Livingstone S (2009) On the mediation of everything. *Journal of Communication* 59(1): 1—18.

MacKenzie D and Wajcman J (1999) Introductory essay. In: MacKenzie D and Wajcman J (eds) *The Social Shaping of Technology*, 2nd edn. Buckingham: Open University Press.

McKay D (2010) On the face of Facebook: historical images and personhood in Filipino social networking. *History and Anthropology* 21(4): 483—502.

Madianou M (2005) *Mediating the Nation: News, Audiences and the Politics of Identity*. London: UCL Press/Routledge.

Madianou M (2012a) Migration and the accentuated ambivalence of motherhood: ICTs in Filipino transnational families. *Global Networks* 12(3): 277—295.

Madianou M (2012b) News as a looking glass: shame and the symbolic power of mediation. *International Journal of Cultural Studies* 15(1): 3—16.

Madianou M and Miller D (2011a) Crafting love: letters and cassette tapes in transnational Filipino family communication. *South East Asia Research* 19: 249—272.

Madianou M and Miller D (2011b) Mobile phone parenting: reconfiguring relationships between Filipina migrant mothers and their left-behind children. *New Media & Society* 13(3): 457—470.

Madianou M and Miller D (2012) *Migration and New Media: Transnational families and Polymedia*. London: Routledge.

McLuhan M (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill.

Miller D (1994) *Modernity: An Ethnographic Approach*. Oxford: Berg.

Miller D (2011) *Tales from Facebook*. Cambridge: Polity.

Papacharissi Z (2009) The virtual geographies of social networks: a comparative analysis of Facebook, LinkedIn and ASmallWorld. *New Media & Society* 11: 199—220.

Parreñas R (2001) *Servants of Globalization, Women, Migration and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Parreñas R (2005) *Children of Global Migration*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Pertierra R (2010) *The Anthropology of New Media in the Philippines*. Manila: Ateneo de Manila University Press.

Pertierra R, Ugarte E, Pingol A, Hernandez J and Dacanay N (2002) *TXT-ING Selves: Cellphones and Philippine Modernity*. Manila: De La Salle University Press.

POEA (2009) 2008 overseas employment statistics. Available at: <http://www.poea.gov.ph/stats/stats2007.pdf> (accessed March 2010).

Postman N (1970) The reformed English curriculum. In: Eurich AC (ed.) *High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education*. New York: Pitman, pp. 160—168.

Qiu J (2009) *Working-class Network Society*. Cambridge, MA: MIT Press.

Silverstone R (2005) Mediation and communication. In: Calhoun C, Rojek C and Turner B (eds) *Handbook of Sociology*. London: Sage, pp. 188—207.

Slater D and Tacchi J (2004) *Research: ICT Innovations for Poverty Reduction*. New Delhi: Unesco.

Wajcman J (2002) Addressing technological change: the challenge to social theory. *Current Sociology* 50(3): 347—363.

Whitty MT and Carr AN (2006) *Cyberspace Romance: The Psychology of Online Relationships*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

World Bank (2011) Data: countries and economies. Available at: <http://data.worldbank.org/country/> (accessed July 2011).